
На самом юге Флориды раскинулось бескрайнее море. Огромное, величественное, на самом горизонте оно сливалось с небосводом так неразрывно, что невозможно было понять, где кончается вода и начинается небо. Вокруг простиралась лишь слепящая пустота; сколько хватало глаз — ни единого силуэта корабля. В этом безмолвном мире властвовала лишь глубочайшая, первородная синева — неизменная с незапамятных времен, веками копившая в своих глубинах тяжелое дыхание вечности.

Даже теперь, когда цивилизация шагнула далеко вперед, а человечество к 2300 году принялось вовсю покорять Солнечную систему и успешно основало первые колонии на Меркурии, океан — эта первозданная колыбель, породившая все живое на суше, — по-прежнему оставался для людей загадкой. Он все так же внушал трепет и казался неким негласным, нерушимым табу.

В трехстах километрах к северу отсюда раскинулся Золотой берег Флориды — сверкающий мегаполис, где высились бесчисленные небоскребы, а ночные огни превращали его в вечно бодрствующую обитель богачей.

Однако здесь, на самой южной оконечности полуострова, царил безлюдье. Единственным следом человека оставалось скоростное шоссе, тянущееся вдоль побережья. Шестиполосная автострада, выложенная невероятно дорогим специализированным покрытием, перерастала в исполинские эстакады на крутых изгибах и почти прямой линией пронзала триста километров дикого берега.

Удивительно, но на этой колоссальной по стоимости магистрали не было видно ни единой машины.

Лишь спустя несколько часов, около трех часов дня, на размытой границе шоссе и береговой линии показалась крошечная черная точка. Она приближалась с невероятной скоростью, и вскоре в ней можно было разглядеть силуэт обычного частного автомобиля.

Впрочем, его скорость едва достигала двухсот пятидесяти километров в час. Для 2300 года, когда человечество уже освоило мезонейтрино и вовсю применяло теорию Люкс, подобные показатели считались весьма скромными — машина принадлежала к самому дешевому, бюджетному классу.

«...Пробудившись от тысячелетнего сна, я вспоминаю былое... Сквозь круговорот сансары стерлись былые пути, и лишь во сне колышется смутный образ...» — старинный, уплывающий вдаль мотив песни тихим эхом вырывался из приоткрытых окон наружу, растворяясь в порывах морского ветра.

Хань Цзин тихонько напевал под нос, уверенно сжимая руль обеими руками и вглядываясь в дорогу сквозь стекла очков. Черты его лица были тонкими и привлекательными: открытый взгляд, прямой нос, правильные очертания губ. Однако слишком аккуратная, словно по

линейке подстриженная короткая прическа и строгая старомодная оправа напрочь скрадывали природное обаяние, придавая ему сухой и донельзя педантичный вид типичного кабинетного ученого.

Что, впрочем, вполне соответствовало его призванию — Хань Цзин посвятил себя теоретической математике.

— Пожалуйста, предъявите пропуск.

Впереди из воздуха соткалась энергетическая колонна, превратившаяся в двухметровую стену белого света, заставив водителя ударить по тормозам.

Хань Цзин резко затормозил. Раздался оглушительный, истошный скрежет колодок.

«Да уж, старушка явно отслужила свое, пора менять колеса», — обреченно подумал он. Этой поломке не помогал уже никакой ремонт. Прикинув в уме свои будущие доходы, Хань Цзин мечтательно прищурился, вспомнив о недавней новинке, наделавшей много шума — роскошном «Кадиллоре». По слухам, благодаря принципиально новым технологиям этот красавец мог разгоняться до невероятных пятисот километров в час!

«Потерплю еще пару месяцев, поднакоплю денег — и сразу возьму его!» — мысленно пообещал себе математик и в сердцах слегка пнул приборную панель своей развалюхи.

— Поосторожнее, а то она у вас прямо тут и рассыплется, — добродушно усмехнулся подошедший дежурный. — Пожалуйста, придвиньтесь поближе к сканеру.

Хань Цзин послушно наклонился к открытому окну и снял очки. Тонкий лазерный луч мгновенно скользнул по его сетчатке. Офицер убрал портативный сканер и быстро пролистал отчет на дисплее.

Спустя секунду на экране высветился зеленый разрешающий сигнал. Световой барьер бесшумно растаял в воздухе. Взглянув на Хань Цзина, надевающего очки, постовой тепло улыбнулся:

— Знаете, молодой человек, без очков вам гораздо лучше.

— Спасибо, — вежливо ответил Хань Цзин, поправив оправу на переносице. Вдруг он словно вспомнил о чем-то важном — брови его дрогнули, а в глубине глаз промелькнуло смутное беспокойство. Он резко отвернулся.

Вновь заскрежетав шестеренками, старый автомобиль тронулся с места и быстро скрылся из виду.

В самом конце шоссе раскинулся гигантский грузовой терминал. Здесь ровными рядами выстроились огромные белые ангары-склады, способные вместить миллионы тонн контейнеров. На стенах каждого из них красовались буквенно-цифровые индексы.

Миновав очередной блокпост, Хань Цзин оставил свою колымагу на указанной стоянке. Там его уже ждал сопровождающий в звании лейтенанта, под чьим присмотром он и вошел на строго охраняемую военную территорию.

Оглядываясь по сторонам, Хань Цзин, несмотря на мысленную подготовку, невольно поразился количеству военных. Самым младшим званием среди них были сержанты, а младшие и старшие лейтенанты встречались буквально на каждом шагу.

«Атлантида... Похоже, Федеральное правительство придает этому открытию куда большее значение, чем я предполагал», — подумал Хань Цзин.

Его мысли невольно унеслись к бескрайней океанской глади.

Местные прибрежные воды Флориды манили своей бездонной синевой. Однако примерно в тысяче ста милях к северу лежал печально известный «дьявольский сектор» — Бермудский треугольник. Эта зловещая пучина унесла жизни тысяч людей, поглотив несметное множество кораблей и самолетов. На протяжении веков она оставалась аномальной зоной, где то и дело нарушались законы физики и происходили необъяснимые мистические явления.

«И надо же было такому случиться... Полгода назад из-за нелепой аварии человечество наконец сорвало покров с этой тайны. На самом дне Бермудского треугольника покоилась легендарная Атлантида — величайшая сверхцивилизация древности!»

Хань Цзин резко замер. Сделав глубокий вдох, он зажмурился, тщетно пытаясь унять внезапно вспыхнувшую изнутри горячую истому. Он изо всех сил старался прогнать нахлынувшее видение — переплетение обнаженных тел, прерывистое обжигающее дыхание, шелковистое прикосновение золотых волос... Этот призрак преследовал его со дня катастрофы в Атлантиде. Словно тончайшая, невидимая шелковая нить, он опутывал его разум, затягиваясь все туже, становясь с каждым днем невыносимо осязаемым.

— Что, дар речи потерял, Хань Цзин?

Навстречу ему, весело улыбаясь и небрежно сунув руку в карман серого плаща, шел молодой человек. В отличие от темноволосого и темноглазого Хань Цзина, незнакомец выделялся длинными, до плеч, каштановыми волосами, наспех стянутыми в хвост, а его лукавые глаза отливали глубоким янтарным оттенком.

— Роджер! — выдохнул Хань Цзин, мгновенно выныривая из омута навязчивых мыслей, и радостно шагнул навстречу. С этим старшим сокурсником по университету их связывала крепкая дружба. В эпоху 2300 года, когда национальные границы давно стерлись под эгидой

единого Федерального правительства, они сблизились на почве общих корней. Некоторые все еще бережно хранили память о предках, и Роджер, имевший наполовину китайское происхождение, не был исключением.

Роджер по старой привычке щелкнул пальцем по оправе его очков и добродушно поддразнил:

— Сколько лет, сколько зим, а ты все не расстаешься с этим раритетом! — Затем он вежливо кивнул сопровождающему офицеру: — Дальше я его забираю, спасибо.

Лейтенант отдал честь и поспешил удалиться.

Только сейчас Хань Цзин огляделся и осознал масштаб сооружения. Они находились внутри колоссального ангара размером с добрых четыре футбольных поля. Под слепящим светом мощных прожекторов впереди зияла исполинская черная бездна.

Но это была не просто расщелина. Присмотревшись, Хань Цзин с содроганием понял, что перед ним раскинулся гигантский рукотворный тоннель шириной более километра, уходящий по крутому склону прямо в океанские глубины. Черный, бездонный зев казался пастью неведомого чудовища, готового поглотить любого, кто осмелится переступить порог. Математику пробрал невольный озноб.

— Я сам застыл как вкопанный, когда впервые это увидел, — Роджер с размаху хлопнул друга по плечу. — Добро пожаловать на Базу № 9, Хань Цзин!

— База № 9?

— В честь девятого сентября — дня, когда была найдена Атлантида, — Роджер самодовольно усмехнулся. — Честно говоря, думал, ты будешь держаться поувереннее. Ты ведь единственный из нас, кто уцелел в той аварии и лично побывал внизу. Наверняка технологии древних поражают воображение куда сильнее этого тоннеля?

— Атлантида... — тихо обронил Хань Цзин.

Сладкая, липкая истома вновь коварным сквозняком просочилась в душу, туманя разум. Он поспешно поправил очки, пытаясь скрыть за стеклами секундное замешательство, после чего горько улыбнулся:

— Ты вряд ливеришь мне, Роджер, но я почти ничего не помню о том, что произошло со мной на глубине...

Действительно, его память словно стерли. Врачи разводили руками и говорили о селективной амнезии — временной или постоянной потере памяти, вызванной мощным внешним воздействием на мозг. Он не мог вспомнить ни приборов, ни залов древнего города. Однако

страстные, безумные ночи, проведенные в объятиях незнакомца, жар его прикосновений и тихий, хриплый шепот врезались в сознание так прочно, словно их выжгли на самой его душе.

Но что, если все это — лишь Иллюзия Атлантиды? Сон длиной в целую жизнь...

Грудь сдавило знакомой, щемящей тоской. Хань Цзин нахмурился, потеряв нить разговора.

Заметив его состояние, Роджер сочувственно сжал его плечо:

— Ладно, не бери в голову. То, что тебя, вчерашнего выпускника, допустили к секретным архивам Федерации — редчайшая удача. Считай это подарком судьбы за все пережитое. Главное — прояви себя с лучшей стороны. Будешь стараться, как я, и перед тобой откроются все двери!

Роджер, как обычно, не упустил случая похвалить самого себя.

Хань Цзин лишь улыбнулся в ответ и послушно последовал за ним внутрь футуристической капсулы, напоминающей гигантскую пулю.

— Этот лифт связывает верхний терминал с Базой № 9, — пояснил Роджер, пока они устраивались на сиденьях. — Работает на принципах теории Люкс в сочетании с уцелевшими технологиями атлантов.

Впрочем, сам Роджер — эксперт по древним языкам — разбирался в физике весьма поверхностно. Его скромные познания в этой области ограничивались опытом, полученным во время экспедиции на Харон. Именно та миссия на ледяной спутник Плутона и дала ему пропуск в проект по изучению наследия Атлантиды.

Металлические крепления безопасности мягко, но надежно зафиксировали грудь и талию Хань Цзина. Он потянулся было к очкам, опасаясь перегрузок при резком спуске, но капсула тронулась настолько плавно, что он даже ничего не почувствовал. Если бы не тихий электронный голос бортового компьютера, возвестивший о начале спуска, можно было подумать, что они стоят на месте — ход машины был абсолютно безупречным.

«Спуск на такую глубину наверняка займет прилично времени», — мысленно подсчитывая расстояние в морских милях, Хань Цзин вдруг скользнул взглядом по левой руке друга. Его глаза округлились при виде скромного кольца на безымянном пальце.

— Роджер, ты женился?! — искренне изумился он и тут же расплылся в улыбке. — Когда успел? Поздравляю! И кто же таинственный счастливчик, сумевший приручить нашего главного ловеласа?

— Это Гленн. Ты должен его помнить.

— Гленн? — Хань Цзин опешил.

Конечно, он знал его, хоть они и не общались близко. Пока Хань Цзин корпел над формулами на математическом факультете, Гленн блистал на отделении искусств. Природа одарила его не только безупречным лицом, но и редчайшими золотыми волосами, сводившими с ума половину университета. В эпоху тотального смешения рас чистые блондины стали огромной редкостью, и любой мало-мальски симпатичный обладатель светлых волос автоматически возводился в ранг эталонных красавцев. И хотя глаза у Гленна были не лазурно-голубыми, его невероятный шарм позволил ему стать звездой мирового масштаба и кумиром миллионов.

— И тебе удалось его завоевать?!

— Эй, что за тон? — картинно обиделся Роджер, напустив на себя суровый вид. — Хочешь сказать, я ему не пара?

— Ну, ты, конечно, парень видный, — хмыкнул Хань Цзин, — но до золотых локонов Гленна тебе явно далеко. Разные весовые категории, согласись.

— Зануда, — вздохнул Роджер, качая головой. — Хоть бы из вежливости похвалил!

С этим упрямым умом спорить было бесполезно. Однако, коснувшись пальцем кольца, Роджер тепло и немного мечтательно улыбнулся:

— Но если начистоту, я за ним не бегал. Гленн сам по уши в меня влюбился. Более того... он втайне от меня лег на генетическую коррекцию и теперь ждет ребенка.

— Гленн беременен?! — Хань Цзин окончательно лишился дара речи. Лицо его мгновенно стало серьезным. — Роджер, пообещай, что будешь носить его на руках и забудешь о своих былых интрижках. Да, закон давно признал однополые браки, а медицина позволяет мужчинам вынашивать детей, но на такой шаг решаются единицы. Это не только колоссальная нагрузка на организм и гормональная перестройка, но и вечные косые взгляды консерваторов. Далеко не каждый мужчина психологически готов пройти через такое.

Гленн — звезда первой величины. То, что он решился оставить карьеру ради вашей семьи, доказывает, как сильно он тебя любит...

Слушая эти наравоучения, Роджер шутливо схватился за голову:

— Все-все, пощади! Я пылинки с него сдуваю, честное слово. Придешь к нам в гости — сам увидишь, какой из меня получился образцовый семьянин.

— Лучше о себе расскажи. Тебе уже двадцать семь, докторскую степень ты защитил раньше всех, обогнав сверстников на несколько лет. Неужели так и чахнешь над своими уравнениями в

полном одиночестве?

— Я... — недавнее красноречие Хань Цзина мгновенно испарилось.

Роджер картинно вытаращил глаза:

— Серьезно?! Точно в цель! Ты хоть раз чью-нибудь руку держал? Математики... вы вообще люди или роботы? Мне этого никогда не понять.

«Сам ты робот. Изучаешь древние языки, а в голове один ветер и светская мишура», — мысленно огрызнулся Хань Цзин.

Задетый за живое его издевками, он не выдержал и выпалил секрет, который берег как зеницу ока:

— Вообще-то у меня есть любимый человек.

Слова сорвались с губ, и на душе внезапно стало на удивление легко. Никаких сомнений или сожалений. Напротив, его накрыло мощной, неодолимой волной нежности. Чувства, копившиеся в нем лавиной, давно проросли в каждую клетку его тела, превратившись в мучительную, но сладкую тоску по тому единственному...

— Да ну? — Роджер с прищуром уставился на друга, явно сомневаясь.

Но Хань Цзин, повинувшись зову сердца, твердо и без тени колебания кивнул.

Глаза Роджера заговорщически блеснули:

— Отлично! Тогда в следующий раз жду вас обоих у себя. И никаких отговорок!

Хань Цзин вымученно улыбнулся:

— Мы с ним... пока еще не так близки.

— А-а, понимаю, — многозначительно протянул Роджер. — Ну, в амурных делах мне равных нет. Будут трудности — сразу обращайся. Твой наставник мигом все устроит, и на вашей улице наступит праздник! «И зацветет персик под весенним дождем» — так ведь в древних стихах поется?

— Почти, — Хань Цзин заставил себя улыбнуться, пряча глубоко внутри щемящую боль.

Не так близки? Если бы... С тех пор как Хань Цзин очнулся из Иллюзии Атлантиды, загадочный незнакомец бесследно исчез. Кем он был? Реальным человеком или прекрасным призраком, порожденным умирающим сознанием среди руин?

От этой мысли сердце болезненно сжалось. Математик резко отвернулся к иллюминатору.

К счастью, неловкое молчание прервал электронный зуммер:

— Спуск завершен. Шлюзовые двери открыты. Повторяю: спуск завершен.

Створки капсулы бесшумно разъехались в стороны, и Хань Цзин торопливо шагнул наружу.

<http://bllate.org/book/19677/1944210>